

УДК 821.161.1: 821.111

С. В. Шешунова

**«Генерал Харьков» и другие парадоксы русско-британской межкультурной
коммуникации в годы гражданской войны**

Аннотация:

Статья посвящена имагологическому аспекту художественной литературы, повествующей о революции и гражданской войне в России. Цель статьи – рассмотреть репрезентацию русско-британских контактов в период 1917-1920 гг. в произведениях С. Моэма, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова, А.И. Куприна, И.С. Шмелева и др. Автор статьи выделяет ошибки англичан в понимании русской ономастики и этнические стереотипы, характерные для «британского мифа» в русской литературе. Советские писатели изображают участие британцев в русской гражданской войне как мощное явление; писатели русского зарубежья, напротив, обвиняют их в невмешательстве и бездействии.

Ключевые слова: имагология, гражданская война в литературе, русско-британская межкультурная коммуникация, «британский миф» русской литературы

Об авторе: Шешунова Светлана Всеволодовна, доктор филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: bog15k254@dubna.net.ru

В гражданской войне, разразившейся в России после 1917 г., оба лагеря включали представителей разных государств и национальных культур. Художественная литература отразила особенности их общения и взаимного восприятия. Этот имагологический аспект произведений словесности и будет ниже предметом исследования.

В «Университетской поэме» (1927) В.В. Набоков, желая изобразить «одну из тех ученых дур, какими Англия богата», наделяет эту леди убеждением, «что Харьков – русский генерал» [13, с. 126]. Однако вымышленная дама лишь повторила слова реального британского политика – премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа, который во время

выступления в парламенте 16 апреля 1919 года призвал соотечественников «оказать всемерную помощь адмиралу Колчаку, генералу Деникину и генералу Харькову» [7, 89].

Ошибка главы кабинета вполне объяснима: на «-ов» заканчивается так много русских фамилий, что наименование города действительно можно принять за одну из них. О проблемах британского восприятия русской ономастики писал еще Дж. Г. Байрон – в «Дон Жуане» он недоумевал, как можно произносить столь странные фамилии:

Чокенофф, Львофф, Арссеньевфф, Чичакофф –

Взгляните, каково нагроможденье

Согласных? Строкнофф, Стронгенофф, Чичшкофф! [3, с. 245].

Имя «Харьков», видимо, было воспринято как более благозвучное, и за короткий срок словосочетание *General Kharkov* стало торговым брендом: по некоторым сведениям, в Великобритании появились одноименные сорт пива, бар, бритвенный прибор, кофейный напиток, мужские подтяжки и даже фасон дамских шляпок [7]. Эту популярность «генерала Харькова» и застал в Англии В.В. Набоков, осенью 1919 г. поступивший в Кембридж. Со временем имя несуществующего военачальника превратилось в идиому, которая наряду с «развесистой клюквой» ныне обозначает искаженные представления о реалиях другой страны.

Если обратиться к историческому контексту, то увлечение британцев русским генералом, фамилия которого произносится относительно легко, следует признать закономерным для данной эпохи. Если в России феномен агломерации возник еще в конце XVIII века и не раз отражался в литературе на протяжении всего XIX столетия [17], то Англия переживала бурное увлечение русской культурой именно в 1910-е годы. К.И. Чуковский, посетивший Лондон в 1916 г., был настолько поражен степенью любви к России в английском обществе, что писал: «Нигде во всем мире никто не увлекался так пламенно нами, нашей жизнью и нашей душой, как увлекаются сейчас англичане» [18, с. 118]. Перечисляя посвященные России публицистические книги, которые «так и сыплются одна на другую», будущий автор «Мойдодыра» заключает: «Покуда я не читал этих английских книг, я и не знал, что мы такие хорошие» [18, с. 121]. Для сравнения, И.А. Бунин несколько лет спустя иронизировал над подобными «книгами о русской душе», массово выходившими в Англии, поскольку усматривал в них полное незнание предмета: «...мне попался в руки какой-то английский журнал и в нем такая картинка из русского быта: много снегу, на заднем плане – маленький коттедж, а на переднем – идущая к нему девочка, в шубке и со связкой учебников в руке; и коттедж этот <...> изображал русскую

сельскую школу, а девочка – ученицу этой школы, и имела эта девочка, как гласила подпись под картинкой, следующее престранное для девочки имя: «Петровна» [4, с. 60].

Тем не менее, подобные страноведческие ошибки не мешали энтузиазму. Джон Голсуорси (*John Galsworthy*) в эссе «Русский и англичанин» (1916) утверждал, что обе нации созданы как две половинки единого целого, им уготована прочная и взаимно обогащающая дружба, а литература послужит им прекрасным подспорьем для лучшего взаимопонимания. Сомерсет Моэм (*William Somerset Maugham*) в сборнике новелл «Эшенден» (1928) описал увлечение своих соотечественников Россией с присущей ему иронией: «Все читали русских прозаиков, русские танцоры покорили цивилизованный мир, русские композиторы затронули душевные струны людей, начинающих уставать от Вагнера. <...> ...высоколобые без малейшей запинки называли себя представителями *intelligentsia*. На английском слово это произносилось легко, хотя с правописанием возникали проблемы. Эшенден не отставал от других. Сменил обивку мягкой мебели в гостиной, повесил на стену икону, читал Чехова и ходил на балет» [12, с. 286]. С той же иронией писатель сообщает, что в глазах его русской приятельницы «Эшендену виделись бескрайние российские степи, Кремль с бьющими колоколами, пасхальные службы в Исаакиевском соборе, густые серебристые березовые леса и Невский проспект. Просто удивительно, сколь много видел он в этих глазах, круглых, блестящих, чуть выпученных, как у пекинеса. Они напоминали об Алеше из «Братьев Карамазовых» и о Наташе из «Войны и мира», об Анне Карениной и «Отцах и детях» [12, с. 287].

Побывав в России летом и осенью 1917 года, этот автобиографический герой Моэма испытал жестокое разочарование. На вопрос знакомого американца, что он теперь думает о русских, Эшенден отвечает: «Я сыт ими по горло. Я сыт по горло Толстым, сыт по горло Тургеневым и Достоевским, сыт по горло Чеховым. Я сыт по горло интеллигенцией. Я стосковался по людям, которые не меняют своих намерений каждые две минуты, которые, обещая, не забывают о своем обещании час спустя, на чье слово можно положиться; меня тошнит от красивых фраз...» [12, с. 312]. Как видно, возвышенные ожидания, порожденные знакомством с шедеврами чужой культуры, не выдержали соприкосновения с прозой жизни, а именно – с неудачными деловыми контактами англичанина в Петрограде.

Помощь Великобритании белым армиям отразилась в художественной литературе двояко. Советские писатели рисуют эту помощь как мощное явление, гиперболизируя масштабы присутствия англичан на фронтах гражданской войны и степень их боевой

активности. Так, в стихотворении В.В. Маяковского «Левый марш» (1918) с красными воюют не столько белые, сколько Запад, прежде всего Британия:

Пусть,
оскалясь короной,
вздывает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной [10, с. 106].

В поэме «Хорошо!» (1927) тот же автор изображает, как Советскую республику взяла в кольцо «морей владычица, бульдожья Британия» [11, с. 384]: всюду ее подводные лодки и «с пушками чудовищной длинноты сверх-дредноуты» [11, с. 383], ее солдаты плывут из Дувра к Архангельску «с песней, с виски, сыты по-свински» [11, с. 382].

А кому
на суше
грабить охота,
те
с кораблей
сходили пехотой [11, с. 384].

В этой поэме англичане проходят по русской земле, подобно полчищам Батыя: наполняют реку «кладью страшною», то есть трупами и кровью; сжигают деревни («как над серыми хатами огненные перья»); британский полковник, который «прихлебывает виски», весь «Мурманск разизнасил» [11, с. 385-386]. При этом Маяковский с иронией цитирует известную маршевую песню британской армии «Долог путь до Типперери» (*It's a Long Way to Tipperary*, 1912) [11, с. 386].

По контрасту, в литературе русского зарубежья многократно звучит тема напрасных ожиданий британской помощи белым и отсутствия реальной борьбы англичан с красными. В повести Л.Ф. Зурова «Кадет» (1928) слухи о приближении англичан воодушевляют патристичную молодежь Ярославля на решительные действия. Кадеты, лицеисты, студенты объединяются в отряд под восклицание учителя: «Наконец-то получено известие, что в Вологде англичане <...>. Положим конец владычеству большевиков!» [6, с. 75]. Подобные надежды на англичан рисует и А.И. Куприн в мемуарной повести «Купол святого Исаакия Далматского» (1928), где житель Гатчины, потерявший сыновей на Первой мировой войне, при Советской власти каждый день «говорил мечтательно»: «Завтра, послезавтра придут англичане (оказывается, и он верил в англичан) — и принесут нам свободу. А с ними придут мои Коля и Никитушка. <...> Они принесут нам белого вкусного хлеба. И английского сала,

и шоколаду. И немного виски...» [8, с. 20]. В этой мечте англичане приносят с собой, по сути, рай: свободу, пир, воскресение дорогих мертвецов.

Для сравнения, Л.Н. Андреев в своей заметке «S.O.S» (1919) так описывает настроения жителей столицы в конце 1918 – начале 1919 гг.: «Это были сказочно-прекрасные, фантастические дни, когда улыбнулся измученный, мрачный Петроград и поверил в англичанина как в Бога; это были страшные и счастливые сны, грезы мученического безумия, когда в каждом выстреле угадывали английскую пушку и бегали на Неву, чтобы посмотреть на английский флот, «прибывший ночью». И дрожали убийцы, и достаточно было показать только чучело англичанина, чтобы вся эта Каинада обратилась в паническое бегство. И... что вышло? Обманутые живые и мертвые» [2, с. 341-342].

Чувствовал себя обманутым и автор «Купола святого Исаакия». Называя себя «пламенным бардом» [8, с. 64] Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича, Куприн обличает «эгоистическое равнодушие англичан» [8, с. 81], поддержки которых этой армии не хватало: «Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие. Лучше бы они ничего не обещали! <...> ...англичане... уверяли, что дело танков лишь производить издали потрясающее моральное впечатление, а не участвовать в бое. В своей армии они этого не посмели бы сказать» [8, с. 79].

Переход от надежд на благодатное вмешательство англичан к возмущению их действиями прослеживается и в творчестве И.С. Шмелева. В 1919 г. он создает в Алуште аллегорическую сказку «Иностранное тело», где англичанин Тайм хирургическими средствами исцеляет Ванюшку (то есть русский народ) от помешательства, а затем вразумляет пациента с помощью библейских заповедей и русских пословиц, то есть выступает носителем мудрости. Тайм берет за свою помощь огромный гонорар, что упомянуто без осуждения – скорее, с уважением к практичности и основательности иноземного мастера: «Зато прочно-с, можете быть спокойны» [21, с. 598]. Но уже через год надежды писателя на помощь англичан в устранении последствий революции остались в прошлом, что не замедлило отразиться в его произведениях, посвященных гражданской войне. Герой сатирического рассказа И.С. Шмелева «Письмо лейтенанта» (1920), офицер британского военного флота Гарри Скеттлз не намерен принимать участие в боях с красными; находясь в Крыму, он предлагает соотечественникам «скупить еще уцелевшее: музеи, библиотеки, бронзу, фарфор, монеты, бриллианты, картины... <...> Может быть, нам удастся разобрать и перевезти такие памятники, как Кремль в Москве, колокольню «Иван Великий» <...> и «Медного всадника»...» [21, с. 519-520]. Заметим, что гротескный

характер планов Скеттльза отчасти определяется литературным генезисом персонажа: фамилию лейтенанта, как и фамилии всех упомянутых в этом рассказе англичан, Шмелев заимствовал из романа Ч. Диккенса «Домби и сын». В романе Шмелева «Няня из Москвы» (1933) и рассказе «Виноград» (1936) англичане, прибывшие в Крым на помощь белым, так же не заняты ничем, кроме поисков наживы: «...все забирают за грош <...> и к себе волокут» [20, с. 129]; для рассказчика они – «страшный образ незаполняемой пустоты, ничем неоплаченной издевки» [20, с. 129-130].

Глубина разочарования русских писателей в их надеждах на англичан коренится в завышенных ожиданиях, порожденных восхищением английской культурой. Так, образы бескорыстных британских джентльменов, готовых пожертвовать собой ради счастья человечества, наполняют повесть А.И. Куприна «Жидкое солнце» (1913), где вся «английская нация не только идеализируется, но и романтизируется» [5, с. 127]. Гипертрофированное представление о национальных достоинствах англичан было свойственно и Л.Н. Андрееву, утверждавшему, что англичанин – это «тот человек, у которого слово подобно закону и обещание равно исполненному делу» [2, с. 346]. Закономерно, что столкновение с реальностью породило те же чувства, которые испытал и Моэм, мало подготовленный к встрече с Россией идеальными образами русской литературы.

Впоследствии воплощением мечты многих русских людей о весомой военной британской помощи белым стал роман В.П. Аксёнова «Остров Крым» (1979), где вымышленный лейтенант Ричард Бейли-Лэнд в ноябре 1920 года самовольно открывает огонь из корабельного орудия. «Стучали телеграфные аппараты по всему Крыму: английский флот отражает наступление красных! Неожиданный шквал вдохновения охватил белую армию» [1, с. 308]. В результате войска Врангеля вместо эвакуации успешно защищают Крым и на десятилетия превращают его в процветающую страну. Однако и в этом произведении англичанин изображен с иронической дистанции; Бейли-Лэнд лишен у Аксёнова героических или романтических черт: «Оттопыренные уши, надменно-придурковатый взгляд, зализанный пробор. <...> ...эдакий гимназист-переросток» [1, с. 309]. Дерзкий поступок англичанина в романе объясняется тем, что «он был слегка с похмелья» [1, с. 307] и, как позже уверял в интервью, не стремился спасти Российскую империю или демократию: ему «просто была любопытна сама ситуация», а «больше всего интересовала эффективность главного калибра» [1, с. 308].

Парадоксальность восприятия британского участия в русской гражданской войне воплотилась и в эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» (1926–1940). Находясь в рядах Белой армии, Григорий Мелехов проявляет демонстративную грубость при встрече в одной из станиц с английским офицером-артиллеристом. Сослуживец главного героя удивлен таким поведением:

« – ...Ты, оказывается, против иностранного вмешательства? Но, по-моему, когда за горло берут — рад будешь любой помощи.

– Ну, ты и радуйся, а я бы им на нашу землю и ногой ступить не позволил!

– Ты у красных китайцев видел?

– Ну?

– Это не все равно? Тоже ведь чужеземная помощь.

– Это ты зря! Китайцы к красным добровольцами шли.

– А этих, по-твоему, силою сюда тянули?

Григорий <...> долго ехал молча, мучительно раздумывая, потом сказал, и в голосе его зазвучала нескрываемая досада:

– <...> Я, брат, чую, что тут ты неправильно гутаришь, а вот припереть тебя не умею...» [19, с. 393].

В данном случае Григорий пользуется «двойной бухгалтерией»: одно и то же явление (в данном случае, участие иностранцев в русской гражданской войне) представлено как недозволенное одному из противников и позволительное для другого. Еще являясь формально офицером, герой «Тихого Дона» фактически уже на стороне красных, так как дает им право, в котором белым отказывает – право использовать иноземную военную силу.

Впоследствии Григорий вынужден делить ночлег с лейтенантом Кэмпбеллом, инструктором по вождению танков в Донской армии; по рассказу его переводчика, этот британский офицер участвовал в боях с большевиками, едва не попал в плен «и с похвалой отзывается о красных» [19, с. 465]. Примечательно, что к Донской армии в 1919 году был прикомандирован капитан Ангус Джон Кэмпбелл (1888–1958). По свидетельству другого британского инструктора той же армии, артиллериста Хадлстона Уильямсона (1886–1971), Кэмпбелл еще до революции увлекся Россией, выучил русский язык и приехал помогать белым, считая себя «причастным к крестовому походу против коммунистов»; при этом он «иногда был охвачен таким маниакальным восхищением Россией, что терял голову, и так громко симпатизировал всему, что когда-либо сделали русские, что некоторые лица в штабе смотрели на него с огромным подозрением» [16, с. 37]. Как видно из приведенной цитаты,

этот джентльмен относился к числу тех довольно многочисленных британцев, которых К.И. Чуковский назвал «плененными Россией» [18, с. 104]. Литературный образ, созданный Шолоховым, достаточно далек от исторического прототипа: в «Тихом Доне» Кэмпбелл русским языком не владеет и, несмотря на свою связь с белыми, вряд ли сочувствует их целям, поскольку воспринимает их действия как борьбу с народом: «Он говорит, что народ нельзя победить» [16, с. 466].

Мелехов и лейтенант Кэмпбелл симпатизируют друг другу. Приставленный к инструктору переводчик, поручик Щеглов, жалуется Григорию: «...он меня замучил, этот английский боров! Пьет с утра и до поздней ночи. Хлещет ну бесподобно! Я сам, знаете ли, не прочь выпить, но в таких гомерических размерах не могу. <...> Ему одному в сутки надо не меньше четырех-пяти бутылок коньяку» [16, с. 462-463]. В дальнейшем Кэмпбелл и Григорий действительно выпивают за ночь пять бутылок коньяка, чего несчастный Щеглов осилить не может. Однако сначала переводчик сам предлагает Мелехову: «Давайте выпьем за родину этого дурака и пьяницы. Он, правда, скотоподобен, но родина его хороша» [16, с. 465]. Между тем Кэмпбелл предпочитает общество не англomана Щеглова, а Григория: пусть тот не считает, что Англия хороша, и не знает ни слова по-английски, зато пьет наравне с ним. Иначе говоря, в «Тихом Доне» главный герой располагает к себе попутчика-англичанина способностью выпить много крепкого напитка – точно так же, как в «Левше» Н.С. Лескова.

По наблюдению А.А. Орлова, в России традиционно считали британцев склонными к пьянству, что воспринималось как «один из главных национальных пороков» [15, с. 317]. Действительно, еще в повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» (1839) Максим Максимыч утверждает, что англичане «всегда были отъявленные пьяницы» [9, с. 483]. Та же мысль звучит и в анонимных стихотворениях времен Крымской войны 1853–1855 гг. [15, с. 173, 208], и в стихотворении А.И. Несмелова «Интервенты» (1920), изображающем иностранных участников гражданской войны в Сибири: «Англичанин давно / Ничего не любил, кроме трубки и виски» [14, с. 116]. И то, что в эпопее М.А. Шолохова англичанин замучил своего русского спутника требованиями пить вместе с ним, можно считать проявлением этого национального мифа. При этом в мемуарах Х. Уильямсона «Прощание с Доном», изображающих те же места и те же события, все наоборот: тут именно русские изо дня в день заставляют британцев в любое время суток пить крепкие напитки, что для англичан весьма утомительно [16, с. 62-63, 144].

Итак, словесные образы межкультурной коммуникации участников гражданской войны предоставляют возможность для анализа литературной репрезентации национального Другого в историческом измерении. Имагологический аспект произведений, посвященных этой трагической странице истории, остается малоизученной темой, ждущей дальнейших исследований.

Библиографический список:

1. Аксёнов В.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Остров Крым. Желток яйца (Романы). Свяжск (Повесть). М.: Юность, 1994.
2. Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919) / Под ред. и со вступ. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М.; СПб: Atheneum; Феникс, 1994.
3. Байрон Дж.Г. Избранное: в 2 т. Т. 2: Дон Жуан: Поэма / Пер. с англ. Т. Гнедич. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998.
4. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
5. Желтова Н.Ю. Константы национального характера в литературе первой половины XX века. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006.
6. Зуров Л.Ф. Кадет // Проза русского зарубежья. II. / Сост. и коммент. О. Дарк. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. С. 49-108.
7. Крикунов В. Баллада о доблестном рыцаре Харькове // Очевидное и невероятное. 2008. № 3. С. 89-92.
8. Куприн А.И. Эмигрантские произведения: Купол святого Исаакия Далматского; Извощик Петр. М.: «Раритет», 1992.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Правда, 1990.
10. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Т. 1. / Сост. Ал. Михайлова; Вступ. ст. А. Метченко; Прим. А. Ушакова. М.: Правда, 1987.
11. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Т. 2. / Сост. Ал. Михайлова; Вступ. ст. А. Метченко; Прим. А. Ушакова. – М.: Правда, 1987.
12. Моэм С. Эшенден, или Британский агент: [рассказы; пер. с англ.]. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
13. Набоков В.В. Круг: Поэтические произведения; Рассказы. Л.: Художественная литература, 1990.
14. Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / Сост. и комм. Е.В. Витковского, А.В. Ревоненко. М.: Моск. рабочий, 1990.
15. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2008.
16. Уильямсон Х. Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920 / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центполиграф, 2007.
17. Цветкова М.В. Образы помещиков-англоманов в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 2 (30). С. 106-111.
18. Чуковский К.И. Англия накануне победы. Пг.: Издание т-ва А. Ф. Маркса, 1916.

19. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман: В 4 кн. Т. 2. Кн. 3, 4. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001.
20. Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. М.: Русская книга, 1998.
21. Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. М.: Русская книга, 2000.

Sheshunova S.V. **"General Kharkov" and other paradoxes of Russian-British cross-cultural communication during the Civil War**

The article is devoted to the imagological aspect of fiction on the Revolution and the Civil War in Russia. The purpose of this article is to examine the representation of the Russian-British contacts in the period of 1917-1920 in the works by S. Maugham, V. Mayakovsky, M. Sholokhov, A. Kuprin, I. Shmelev and others. The author highlights the mistakes of the British in the understanding of Russian onomastics and ethnic stereotypes, typical for the "British myth" in Russian literature. Soviet writers depict British involvement in the Russian Civil War as a powerful phenomenon; Russian writers abroad, on the contrary, accuse Britains of non-interference and inaction.

Keywords: imagology, the Civil War in literature, Russian-British cross-cultural communication, "British myth" in Russian literature